

СОУСНИК

Чужая душа — потёмки, а женская — тем более.

Одна моя давняя знакомая подала на развод. Вот, скажете, удивил! Это же сплошь и рядом! Между прочим, это после тридцати-то лет внешне благополучного брака. Согласитесь, такое нечасто бывает.

Её муж, сейчас почти бывший, впал в шок и протрацию.

Мы сидим с ним в кафе. У него седая голова и потускневший взгляд.

«Почему?! Ну ты скажи мне: почему?!» — он говорил, что многократно задавал эти вопросы ей и себе. Выпытывал у неё причины такого решения, но всё время наталкивался на стену молчания.

— Ведь всё было хорошо. Детей родили и вырастили. Старшему двадцать восемь, свой бизнес имеет. Независимый совсем стал. Женился. Скоро ребёнок появится, нас дедом и бабкой сделает. Младший тоже в порядке. Аспирант. Диссертацию пишет.

Он сокрушался и жаловался мне, прерываясь на короткие паузы, и смотрел куда-то в сторону.

— Сам-то я не пью, зарабатываю. Деньги в дом несую.

Наблюдаю, как он снова замирает, осмысливая, наверное, размер денежного вклада в семейный бюджет.

— Так нет же! — он повышает голос. — Затееяла развод под старость лет! Народ смешить! О любовниках-то мечтать поздно. И бальзаковский уже позади, — он намеренно, как мне показалось, пропускает слово «возраст». —

И бабу-ягодку уже минула. Изюминка скоро уже будет, — язвительно вставляет он. — Хотя — мало ли чего?

Он задаёт себе вопрос и отвечает на него.

— Что-то о подтяжке говорила. Всё равно состарится, с подтяжкой или без неё. Я-то думал — вместе состаримся.

Он снова задумывается. Уходит в себя, будто рассматривает что-то, и начинает улыбаться, морща нос, прищуривается.

— Ты представить не можешь, какая она была хорошенькая в молодости! Когда она шла по улице, мужики и парни шеи сворачивали, чтобы посмотреть на неё ещё и со спины.

Я живо представляю себе, как какая-нибудь компания парней вдруг замирает, прерывает разговор на полуслове. Сигареты, зажатые между пальцев, бесхозно тлеют, грозя изойти дымом впустую, не отравив молодые лёгкие. Вслед за её движением сначала поворачиваются глаза до своего крайнего положения и тянут за собой всю голову, которая, сворачивая шею, тоже движется до своей крайней точки примерно в девяносто градусов, заклинивает там, но, продолжая траекторию слежения, следом поворачивается туловище, скручивая тело винтом, и выдавливает из грудной клетки произвольный выдох: «Ох ты какая!»

Он продолжает, прервав сладкую медитацию, вынырнув из прошлого:

— Друзья — и те языками цокали да головами качали. Всю свою жизнь из-за неё вспомнил, всё по винтикам перебрал, чего только не передумал. Никаких «рогов» ей не делал. Кажется, всё было так ладно и складно...

Он прерывает свой монолог глубоким вздохом и наливал себе очередную рюмку водки. Запой, похоже, начался.

Ну, пусть промывает сосуды, авось поможет унять хандру.

***

Пару дней спустя я беседую с ней.

Мы сидим в кафе и не спеша потягиваем капучино. Она всё ещё хороша собой. У неё остаётся та часть женской красоты и стати, которую не могут отнять годы, которая бывает только у женщин, не боящихся постареть.

— Однажды, — начинает она, — в далёкой молодости, произошло то, что оставило в моей душе такой глубокий

след, что эту рану не смогли затянуть и прошедшие годы. Более того, эта царапина начала разрастаться, постепенно захватывая всю меня. Всю,— подчёркивает она и смотрит на меня с холодным блеском глаз.

Я поёживаюсь под её взглядом: «Это как нужно было её достать, чтобы превратить в королеву холода. Заморозит, потом тукнет молоточком, и разлетишься на миллион льдинок — не соберёшь».

— И тогда я решила, что отомщу ему...

Она прерывает разговор, замолкает, подбирая нужное слово.

—...иначе буду себя ненавидеть больше, чем его.

Её слова были произнесены достаточно тихо, но, как мне показалось, так, что услышали те немногие посетители, что находились в кафе. В словах звучала сила фанатика, готового шагнуть в костёр, на плаху за свои убеждения.

«Ну, ты попал, мужик»,— подумала я, тут же вспомнив о нём.

— Однажды к нему приехали друзья из Эстонии. Он предупредил, что нужно подготовиться. В ожидании гостей я привела себя в порядок. Мой уже выпиравший из-под платья пятимесячный животик казался мне очень красивым, и я его не собиралась маскировать, тем более прятать. Я старалась. Стол был сервирован, по-моему, идеально. Как сейчас помню: скатерть льняная, белая, салфетки тоже белые, всё без единой складочки. Ножи, вилки, ложки, тарелки идеально ровно расставлены и разложены. Фужеры абсолютно прозрачные. Всё по правилам, всё под руку. Я даже залюбовалась своей работой. Гости были безупречно галантные, почтительные, безжалостно вежливые и немного чопорные. Говорили они с акцентом и казались мне английскими лордами, аристократами.

Она улыбается. Её взор уходит в поверхность стола, между блюдцем с печеньем и чашкой с кофе.

— Все трое — светловолосые,— продолжает она,— аккуратно стриженные и благоухали каким то необыкновенным парфюмом. Одеты они были в джинсы, в тогдашние времена бывшие очень редкими и дорогими. В сочетании с хорошо сидящими пиджаками в клетку и просто монотонным у одного из них они выглядели очень стильно и элегантно. Чем они занимались, я не знала и даже не задумывалась. Потом, по прошествии лет,

выяснилось, что это были фарцовщики, поставившие нашей элите и бомонду заграничные вещи. Кстати, мне тоже кое-что перепало, — смеётся она, — духи «Дзинтарис».

Я слушаю её и тоже вспоминаю времена дефицита, когда роскошью были американские джинсы, жевательная резинка «Рибли Спирминт» и цветные пакеты, которыми, никого не боясь, бойко торговали цыганки. Вот воистину народ на острие потребительского спроса. Авангард современного российского бизнеса.

— Так вот, — продолжает она свой монолог, — в самый разгар застолья мой муженёк вдруг раздражённо сказал: «Встань на стул и посмотри на стол!» У меня внутри всё обрвалось и, кажется, зашевелился в животе мой младшенький. Что не так?!

И тут я вспомнил одну его фразу: «Что-то кольнуло меня в самую середину груди. Я молчал и не подавал вида, что не замечаю её восхищённых взглядов и какого-то кокетства, в её-то положении. Беременная она тогда была заметно. Дёрнул же меня чёрт за язык сказать: „Встань на стул и посмотри на стол!“ Я уже давно заметил, что на столе не хватает соусника. Наверное, в суете забыла».

«Вот они, калёные стрелы ревности, что сорвались, опущенные, полетели и впились в душу», — подумалось мне.

Спустя примерно три месяца я узнал, что они всё-таки развелись. Это было только её решение.

Мечь — это блюдо, которое подают холодным. Таким холодным, что обжигает тем холодом.

***

Кто-то неосторожно встряхнул ручку, чёрная капля чернил сорвалась и упала на текст жизни. Вместо букв появилось чёрное пятно — клякса. Эта клякса продолжала расплываться, марая всё новые и новые белые листы книги жизни, которую они писали одной ручкой, одним пером на двоих.

Вырвать лист, замаранный кляксой, невозможно, не нарушив книги, впрочем, как и переписать ничего невозможно.

Конечно, дальше у каждого из них появились свои блокноты и ручки с чернильницей, в которые они уже каждый сам по себе пишут дневник жизни.

СЕНЬКА-РЫБАК

Было очень раннее утро, а воздух был настолько свеж, что при дыхании исходил белым паром, и казалось, будто человек курит. Сенька осторожно грёб одним веслом, неспешно продвигаясь вдоль протоки. Борта лодки то и дело натыкались на торчащие со всех сторон ветки. Старые, сухие и хрупкие, ломались с лёгким хрустом. Живые прутьики, упругие и мягкие, упираясь в борт, гнулись и затем хлёстко распрямлялись, стегая воздух.

Движение воды было слабым, что позволяло без особого усилия двигаться навстречу течению. Берега русла протоки были неодинаковые, с её пологой стороны даже не просматривалось. Где находился собственно берег, было неясно. Вода уходила далеко в кусты, в густые заросли тальника, забивая их лесным пла́вником и прочим мелким лесным мусором. Более высокие части берега были рыхлыми, подмытыми и иногда с лёгким шорохом осыпались в мутную внешнюю воду. Поэтому рыбалка на протоках по весенней воде проходила только с воды.

По весне, после ледохода, воды поднимались так высоко, что заливали пойму на несколько километров вширь. Стороннему наблюдателю такой разлив покажется потопом. Куда ни глянь — везде вода. Конечно, эту часть земной тверди вода делала непроходимой, но проплываемой, если, конечно, имелось хоть какое-то плавсредство.

Разлива, то есть почти вселенского потопа, местные жители всегда ждали с нетерпением. После него пойменные луга давали очень большие укусы выраставшей почти в рост человека полины. Низинки и протоки зарыбливались, и наступал рыбацкий рай. Но нужно было спешить, разлив недолог, неделя-другая — и уйдёт большая вода, как будто втиснется в глинистые берега реки. Этой весной особенно густо шёл сорожняк, да и подлещик, ищущий места для икрёма, не проскакивал мимо режовок, густо расставляемых рыбаками. Для местных это не было браконьерством. Рыбалка была всегда, при любой власти, и рыбы не убывало. Да и рыбалка такая была делом небезопасным, можно было утонуть, и тонули иногда. Будто местный дух воды или

водяной брал иногда человеческую жертву по своему усмотрению. Но рыбалка никогда не прерывалась, просто таково правило: кому-то может не повезти.

Сенька не спеша подбирался к своей цели. Через короткие промежутки времени он замирал на несколько мгновений и продолжал пробираться через лабиринт веток.

«Наверное, уже набралось»,— мысленно сказал он себе и начал прикидывать, с какого конца будет удобней начинать осмотр резовки.

Однако, подплыв к сети вплотную, заметил, что метрах в пятнадцати вверх видны крайние поплавки следующей. Он принял решение продвинуться ещё и затем сплавиться вниз по течению, чтобы осмотреть сети.

— Может, выше ещё что-то есть? — бормотнул он себе под нос, разговаривая сам с собой.

Сенька был долговяз и из-за этого сутулился. На толстогубом лице громоздился большой красный нос, нависая над безусой верхней губой. Когда он шёл, то смотрел под ноги, как будто что-то искал, при этом всё время шоркал пятками по земле, стирая каблуки любой своей обуви. Его так и звали за глаза: Сенька-шаркун.

По отношению к соседям был крайне сдержан, больше, чем «здрасьте» и «привет», ничего не говорил. В общем, был нелюдимым человеком. Прежде чем войти в свой наглухо крытый сверху двор, где всегда было сумрачно, оглядывался, быстро крутя головой во все стороны, иногда даже на небо посматривал. Было во всём его внешнем виде что-то неопределённое, скрытое.

На приглашение соседа, мужика общительного, немного шумного, говорливого: «Надо бы выпить сегодня, вишь, погода, глянь, какая хорошая (или плохая)»,— всегда отвечал: «Некогда» или «Не могу сегодня».

В конце концов сосед перестал предлагать перейти к общению на короткой ноге или по душам посредством известного способа, заключённого в полулитровой бутылке водки или самогонки. Высказав расхожее предположение: «Или сволочь, или больной»,— перестал делать какие-либо попытки к сближению.

Прошлое Сеньки тоже было неясным и тёмным. Даже домыслов и слухов не было по селу. Появился однажды неизвестно откуда у вдовой соседки и живёт тихонько. Впрочем, был слухок, что, когда «откинулся», мыкался на подёнщине по дворам да на базаре, где киргизы-торговцы используют таких как «принеси-подай» за небольшую плату. Вот в один из базарных дней соседка и прибрала его к рукам, пригласив немного помочь по хозяйству, когда её прежний «сторел» от водки.

Нарадоваться не могла на работника: не пьёт, в доме не курит, не лентяй. За что сидел — в душу не лезла: может, когда-нибудь откроется, если захочет. Но очень быстро проявилась у него одна страсть — рыбалка, и не просто рыбалка, когда с берега удочкой стебают пескарей да ельчиков, хоть он и этим не гнушался, но непременно сетью, тем более река под боком, а весной по разливу так вообще раздолье по переполненным водой протокам. Очень быстро у Сеньки появилась старенькая, заплатанная во многих местах двухместная надувная лодка с приложенной к ней аптечкой с клеем и резиновыми заплатками. Первая сеть была куплена с рук у старого одинокого рыбака, точнее, выменяна на мешок картошки и литр самогона, тщательно починена и сразу пущена в дело.

Соседку, все её звали Маня, это занятие примака не беспокоило. Во-первых, не пьянствовал. Прежний мужик всю душу этим делом вымотал. Во-вторых, прибавка в дом всегда была, излишки рыбы легко удавалось продать тем же соседям.

Сенька очень быстро освоился на реке, озерах и протоках. Но даже при случайных встречах на водных тропинках с другими рыбаками он всегда отгребал в сторону и делал вид, что кругом никого нет. Нелюдим, одним словом.

Сенька прослыл очень удачливым, или фартовым, рыбаком, как говорили местные рыбаки. Там, где бывалые рыбаки из старожиллов ловили мешок рыбы, он — полтора-два. То ли слово заветное знал, то ли врождённое ощущение рыбы, смешанное со страстью и везением, позволяло быть всегда первым в этом негласном соревновании. При всей своей небывалой везучести Сенька ни разу не был уличён в рыбацком хвастовстве.

Тем более что он и не хвастался ни прилюдно, ни один на один.

Чуть зависнув над бортом лодки, но так, чтобы не кувыркнуться ненароком в воду, он зацепил веслом сеть почти посередине и приподнял над водой. Капли воды быстро скатились по нитям сети вниз, коротко сверкнув бриллиантовыми искрами. В ячейх резовки засеребрились крупные сороги, застряв жабрами в переплетении нитей сети. Подтянувшись вплотную к бечеве, Сенька начал аккуратно вынимать холодных рыбин и бросать их на дно лодки. Так, подтягиваясь вдоль бечевы, выбрал пару дюжин рыбин. Сети всегда ставили поперёк русла или немного наискосок, если оно оказывалось узким. Почти отсутствовавшее течение позволяло такую установку сетей на лесных протоках. Главное — закрепить бечеву у берегов.

Так как выбирать он начал с середины сети, то пришлось вернуться к исходному положению, и, пятясь, он снова принялся вынимать серебрищихся чешуёй холодных рыбин с круглыми глазами с красноватым ободком и красными плавниками. Ему приходилось их крепко брать около жабр, открывающих свою красную бахромчатую внутренность. Рыбы трепыхались, когда Сенька вытаскивал их из ячеек, пропихивая вперёд, или, отрывая жаберные крышки, резко выдёргивал из крепко опутавших голову нитей. Вытаскивание рыб задним ходом уродовало красоту этих созданий. Будто кровавый рот улыбался под единственным, как ему казалось, укоризненно смотрящим немигающим глазом. Сенька морщился, то ли сожалея об утраченной красоте, то ли сочувствуя причиняемой боли.

Лодка мягко ткнулась кормой в берег, с хрустом ломая сухие ветки, низко наклонённые к воде. Он начал разгибаться, чтобы дать отдохнуть спине, затёкшей в неудобной позе, да и пальцы рук замёрзли так, что стали красными и уже плохо чувствовали прикосновения сети и рыб. Он подумал, как засунет ладони под мышки и быстро отогреет их.

Но вдруг что-то деревянно-плотное и тупое упёрлось между лопаток. Сеньке показалось, что, разгибаясь, он наткнулся на ветку тальника, которые во множестве торчат в сторону протоки. Он мгновенно решил сдвинуться немного вперёд по дну лодки и затем сплыть вниз по течению к следующей сети. Не оглядываясь, Сенька сделал короткий шаг по мягкому дну лодки. Давление сучка на спину исчезло.

Сенька попытался развернуться и схватиться за злополучный сук, но тут же почувствовал сильный тычок в шею, чуть ниже уха. Этот болезненный удар застал его в момент неполного разгибания, он почувствовал, как падает вниз лицом, что заставило его инстинктивно выставить руки вперёд, как это делает человек, когда спотыкается и падает.

В какую-то долю секунды Сеньке показалось, что за спиной хрустнули ветки, послышался чавкающий звук, который возникает, когда сапог выдёргивают из грязи или болота. Тут же будто кто-то выдохнул со звуком «Б!-х-х!», когда делают короткое усилие, что-то толкая или отпихивая.

В те же доли секунды руки, не найдя плотной опоры, промахнувшись мимо борта лодки, ушли в воду; руки, голова сразу погрузились в холодную пучину внешней воды. Сенька неистово барахтался вниз лицом, ноги в резиновых болотных сапогах оставались ещё в лодке. Он схватился за сеть, но она, не выдерживая веса, сразу уходила в глубину. Пытаясь крикнуть, он неосознанно, на инстинкте, сделал вдох, и вода хлынула в рот, в глотку, проникла за голосовые связки.

В какое-то мгновение ценой громадных усилий Сенька приподнял голову над водой, пытаясь вдохнуть спасительный воздух, но этого мгновения не хватило для вдоха, и он снова ушёл под воду. Какая-то неведомая сила продолжала его толкать и давить на спину. Он почти весь соскользнул в воду, которая начала заливаться за шиворот, обдавая холодом туловище. Тогда он рванулся вперёд и сразу наткнулся на режовую сеть, имеющую два слоя ячеи, крупную и мелкую, что позволяло удерживать рыб больших и маленьких. Он только что выбирал рыб из этой сети и сейчас увидел их почти у самого лица, в каком-то сероватом тумане. Пальцы рук увязли в мелкой ячее сразу и запутались в крупной. Сенька крутнулся вокруг своей оси справа налево, пытаясь вырваться, но лишь намотал на себя сеть. Перед глазами вдруг выросло яркое белое пятно. В угасающем сознании Сеньки мелькнуло: «Это солнце».

И дальше ничего.

Поверхность воды быстро успокоилась. Поплавки на бечеве сети, перетянутой от берега до берега протоки, ушли под воду почти на всю длину. Лодку потихоньку отнесло вниз по

течению, где первый же небольшой залом из лесного мусора остановил её. Ещё живые рыбины на дне лодки трепыхались, отталкиваясь от дна, и тускло блестели уже замаранной илом чешуёй, но через некоторое время и они стихли, заснув.

Наступившую тишину нарушало лишь лёгкое журчание воды, разрезаемой тонкими веточками подтопленных кустов и деревьев в заламах, всплеск нырнувшей ондатры да редкий крик дроздов.

Его нашли через два дня. Всполошившаяся Маня сбегала к участковому, написала заявление в районную милицию, со скандалом настояла на прочёсывании подтопленной поймы, где всегда рыбачил Сенька, да и не только он. Привлекли местных рыбаков-браконьеров.

Его вытянули из воды вместе с сетью, в которую он оказался завёрнут, как в паучий кокон. Оцепеневшие пальцы цепко держали сеть, как будто Сенька не хотел расставаться с застрявшими в ней ещё не выбранными и вновь пойманными сорожками да несколькими крупными лещами. Рыбы на поминки точно бы хватило. Но по традиции такую рыбу с утопленником выбросили назад в воду. Мало ли чего.

Участковый оформил случай как несчастный и закрыл дело.

Мане отдали снятые сети, все четыре. Она хоть и не лезла в рыбацкие дела Сеньки, но как-то сильно засомневалась, что это были его сети; одна ещё, может, и похожа, но три другие отличались поплавками. Ну не было у него таких магазинных поплавков, все самодельные были.

И засосало у Мани под ложечкой: «Утопили тебя, Сенька, утопили...» И вспомнила она многорыбье, бывавшее иногда как-то невпопад, и тюрьму его — не говорил, за что сидел, и домой, на родину, никогда не хотел возвращаться, даже в гости не ездил.

«Эх, Сеня, Сеня! Ну и куда мне девать теперь эти сети?!» — и заплакала с бабьим подвывом, закрыв лицо ладонями, держащими сети, пахнувшими речной тиной, рыбой и Сенькой.